
S 28/28

РЕЛИГІОЗНЫЙ ХАРАКТЕРЪ РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ XVIII ВѢКА.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Кіевской духовной Академіи 28 сентября 1874 года экстраординарнымъ профессоромъ Академіи

Ф. Терновскимъ.

КІЕВЪ.

Тип. С. Т. Еремѣева Бибиковскій бульваръ собствен. домъ.

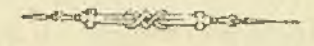
1874.

РЕЛИГІОЗНЫЙ ХАРАКТЕРЪ
РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ XVIII ВѢКА.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Кіевской духовной Академіи 28 сентября 1874 года экстраординарнымъ профессоромъ Академіи

Ф. Терновскимъ.

КІЕВЪ.

Тип. С. Т. Еремѣева Бибиковскій бульваръ собствен. домъ.

1874.

(Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Труды Кіевской духовной Академіи». Октябрь 1874 г.).

РЕЛИГІОЗНЫЙ ХАРАКТЕРЪ
РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ XVIII ВѢКА.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко
и Милостивые Государи!

Предметомъ моего чтенія будетъ—*изображеніе религіознаго характера русскихъ государей отъ Петра 1-го до Павла 1-го.* Предметъ этотъ опредѣляется съ одной стороны моимъ положеніемъ, какъ преподавателя русской *гражданской* исторіи, съ другой стороны характеромъ настоящаго собранія, какъ торжественнаго акта въ высшемъ *духовно-учебномъ* учрежденіи. *).

Обозначая точнѣе свою задачу, я долженъ сказать, что не догматическія воззрѣнія русскихъ государей и не личная мораль ихъ стоятъ для меня на первомъ планѣ. Если бы мнѣ пришлось характеризовать византійскихъ императоровъ, то никакъ нельзя было бы умолчать и объ ихъ догматствованіи.

---

*) Источники и пособія при составленіи сего очерка были слѣдующіе: „Дѣянія Петра Вел." Голикова; записки Щербатова, Болотова, Сегюра, Храповицкаго, Порошина, Державина, Дмитріева, Лопухина, Вигеля и другихъ; исторія Россіи Соловьева XIII—XXIII т.; исторія Петра В. Бергмана; представители власти въ Россіи Андреева; Графъ Сперанскій Корфа; общественное движеніе при Александрѣ Пыпина; сочиненія Ѳ. Прокоповича и императ. Екатерины; многіе документы, помѣщенные въ *русскомъ архивѣ, русской старинѣ, чтеніяхъ общества исторіи и древностей* и т. д.

Тогда была эпоха догматическаго движенія, и государи не только принимали живое участіе въ спорахъ но и сами становились во главѣ движенія, хотѣли быть руководителями и рѣшителями споровъ, нерѣдко и сами возбуждали волненія въ народѣ своими новоизмышляемыми догматическими формулами. Совсѣмъ иное было настроеніе ближайшаго къ намъ времени, когда интересъ къ догматическимъ спорамъ угасъ,—и совсѣмъ иное было въ данномъ случаѣ поведеніе русскихъ государей. —*«Я солдатъ и въ богословіе не мѣшаюсь»*, сказалъ первый русскій императоръ,—и слова его сдѣлались какъ бы закономъ дѣятельности для его преемниковъ. Увлеченіе догматическими спорами Петръ Великій считалъ величайшею ошибкою византійскихъ государей и одною изъ причинъ паденія византійской имперіи. Не иначе разсуждали и преемники Петра и не хотѣли повторять старой ошибки. Они смиренно и послушно принимали церковные догматы и опредѣленія въ ихъ преданномъ церковію видѣ и не пускались ни въ какія своемудрствованія. *«Я вѣрю всему, на семи соборахъ утвержденному, потому что св. отцы тѣхъ временъ были ближе насъ къ апостоламъ и лучше насъ все разобрать могли.»* Такъ разсуждала имп. Екатерина II-я, государыня во всѣхъ другихъ случаяхъ склонная къ свободнымъ и самостоятельнымъ воззрѣніямъ. Очевидно послѣ этого, что для разсужденія о догматическихъ воззрѣніяхъ русскихъ государей нѣтъ ни повода, ни содержанія.

Равнымъ образомъ и личная мораль русскихъ государей стоитъ внѣ задачь настоящаго очерка. Она исключается не по недостатку матеріаловъ; напротивъ, благодаря услужливой болтливости современниковъ, мы много знаемъ о доблестяхъ каждаго государя, а еще болѣе о его слабостяхъ, несовершенствахъ и причудахъ. Нѣтъ ничего легче, какъ написать такой очеркъ, какъ напр. *о Петрѣ Великомъ, какъ юмористѣ.*

Но не будетъ ли это сплетня, перенесенная въ область исторіи? Личная мораль государя, какъ и всякаго человѣка, есть дѣло его совѣсти, его личное душевное дѣло, въ которомъ онъ *своему Господеви стоитъ или падаетъ*; современники, облагодѣтельствованные государемъ, или терпѣвшіе отъ него, покупали себѣ—положимъ—этимъ нѣкоторое право хвалить или порицать его; но ихъ сужденія, по существу дѣла, всегда пристрастныя и одностороннія не должны, такъ сказать, въ сыромъ видѣ переходить въ исторію, ибо исторія не есть панегирикъ или памфлетъ, ни даже собраніе нравоучительныхъ примѣровъ, ни тѣмъ болѣе пища для празднаго любопытства. Конечно для исторіи весьма важно было бы, отрѣшившись отъ современныхъ мелочей, sine ira et studio, воспроизвести объективный образъ историческаго дѣятеля; но для этого потребенъ талантъ великаго художника и психолога.

Наша задача гораздо проще и опредѣленнѣе,—руководясь, по возможности, изреченіями и поступками того или другаго государя, мы намѣрены прослѣдить, въ какой индивидуальной формѣ выражалось его религіозное чувство, какъ онъ опредѣлялъ свои обязанности предъ Богомъ, налагаемыя царскимъ саномъ, въ чемъ видѣлъ *Бога въ исторіи*, въ современной исторіи, въ которой былъ вмѣстѣ и дѣятелемъ, и которая предъ взоромъ вѣнценосца представлялась въ болѣе широкомъ и величественномъ видѣ, чѣмъ предъ взорами простаго смертнаго, подобно тому какъ предъ человѣкомъ, стоящимъ на горѣ, разстилается болѣе широкій горизонтъ, чѣмъ предъ человѣкомъ, стоящимъ въ долинѣ.

Приступаемъ къ самой характеристикѣ.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ 1-й († 1725).

Рѣдко въ исторіи можно найти такой цѣльный, выдержанный, отъ начала до конца вѣрный себѣ характеръ,—ка-

*

ковъ былъ характеръ перваго императора. Задача его дѣятельности громадна, но очень опредѣленна и опредѣлилась она съ первыхъ же годовъ его царствованія. Задача эта—образовать русскій народъ и посредствомъ образованія довести его до возможно высшей степени политическаго могущества и экономическаго благосостоянія. Съ давнихъ поръ и до нынѣ противъ Петра слышался упрекъ въ увлеченіи иноземцами, въ поклоненіи западу, въ пренебреженіи русской народности. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого упрека. Россія въ ея идеальномъ видѣ была для Петра—все на землѣ; за нее онъ готовъ былъ жертвовать жизнію. «*А о Петрѣ вѣдайте*,—говорилъ онъ предъ Полтавскою битвою,—*что ему жизнь недорога: жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи.*» Западъ же для Петра былъ только орудіемъ,—только средствомъ для просвѣщенія Россіи, цѣннымъ, пока цѣль недостигнута и ничего не стоющимъ по ея достиженіи. «*Европа*», писалъ Петръ, «*нужна намъ только на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а послѣ того мы можемъ обернуться къ ней задомъ.*»

Смотря съ своей точки зрѣнія на всемірную исторію, Петръ разсуждалъ такъ: «*писатели поставляютъ древнее обиталище наукъ въ Греціи, но кои судьбиною временъ бывши изъ оныя изгнаны скрылись въ Италіи, и потомъ разсѣялись по Европѣ до самыя Польши, но въ отечество наше проникнуть воспрепятствованы нерадѣніемъ нашихъ предковъ, и мы остались въ прежней тьмѣ..... Теперь пришла и наша череда... Науки коловращаются въ свѣтѣ на подобіе крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и я надѣюсь, что они скоро переселятся и къ намъ и утвердя у насъ владычество свое возвратятся наконецъ и на прежнее* свое *жилище въ Грецію. Я предчувствую, что* россіяне *когда—нибудь, а можетъ быть и при жизни еще нашей, пристыдятъ самые просвѣщенные народы успѣхами*

своими въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величествомъ громкой и твердой славы.» Впрочемъ не всегда такъ весело и благонадежно смотрѣлъ Петръ на успѣхъ своего предпріятія. Громадность принятой имъ на себя задачи заставляла его сожалѣть о краткости человѣческой жизни. «*Точію облакъ сумнѣнія*, писалъ Петръ въ другой разъ, *закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ плодъ нашъ, якоже финиковъ, егоже насаждающіе не получаютъ.*»

Въ виду громадности предстоящихъ работъ Петръ считалъ первымъ долгомъ какъ для себя, такъ и для своихъ подданныхъ *безустанный трудъ*, физическій и умственный, ремесленный и военный. «*Потерянное время*», разсуждалъ государь, «*смерти невозвратной подобно есть.*» Онъ самъ былъ вѣчнымъ работникомъ на тронѣ. «*Трудиться надобно братецъ,*» говорилъ Петръ Неплюеву, «*я царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того, чтобы показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость увидѣть изъ васъ достойныхъ мнѣ помощниковъ и слугъ отечеству.*» Трудъ,—по мнѣнію Петра,—это такая сила, которая можетъ совершать чудеса, можетъ пересоздавать человѣка и давать ему такія свойства, на достиженіе которыхъ онъ самъ прежде не разсчитывалъ. Когда москвичи просили царя не отсылать ихъ дѣтей заграницу, говоря: «гдѣ нашимъ ребятамъ спознать заморскія хитрости? ихъ разума на то не станетъ,» то царь отвѣчалъ: «*какъ? развѣ мы не отъ одного Творца произведены и не отъ одного праотца происходимъ?..... Мы имѣемъ такія же руки, глаза и составъ тѣла, какія имѣютъ и просвѣщенные народы; слѣдовательно, имѣемъ равныя же съ ними и душевныя способности.*» И въ этой любви къ труду мы видимъ первую черту религіознаго характера Петрова. И самъ Петръ придавалъ своему трудолюбію нѣсколько религіозный оттѣнокъ. *Молись и трудись*, говаривалъ онъ, а также:

аще кто не хощетъ дълати, ниже да ястъ. «Мы, писалъ царь изъ Голландіи патр. Адріану, *послъдуя слову Божію, бывшему праотцу Адаму, трудимся.*» «Мы», писалъ царь въ другой разъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ боярину Стрѣшневу, *по заповъди Божіей къ праотцу Адаму, въ потъ лица своего хлъбъ ъдимъ.*—«А что пишешь» отвѣчалъ ему Стрѣшневъ, «что въ потѣ лица своего хлѣбъ кушаешь и то вѣдаемъ, что празденъ николи, а всегда трудолюбно быть изволишь, и то не для себя, а для всѣхъ православныхъ христіанъ.» Какъ человѣкъ умный и много испытавшій, Петръ не могъ не замѣтить, что часто самые усиленные труды ни къ чему не ведутъ, что для успѣха нужно еще что—то. Чтоже именно? *Благословеніе Божіе,* рѣшилъ Петръ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ себѣ. «*Быть трудолюбивымъ и честнымъ,* разсуждалъ Петръ,—*вотъ лучшая политика частнаго человъка; людямъ высшаго званія приноситъ она однакоже мало пользы, если не сопутствуетъ ей благословеніе Божіе.*» Эта идея о волѣ Божіей, всѣмъ управляющей, о необходимости помощи Божіей, Божіяго благословенія для успѣшнаго труда проникаетъ всю общественную дѣятельность Петра и даетъ ей религіозный характеръ. Если въ своей частной жизни Петръ позволялъ себѣ нѣкоторыя уклоненія отъ строгой нравственности, быть можетъ руководясь употребляемой имъ пословицей: *кто Богу не гръшенъ, кто бабъ не внукъ,*—то въ общественной своей дѣятельности Петръ *ходилъ предъ Богомъ* въ полномъ значеніи этого слова.

Въ отрывочныхъ распоряженіяхъ, въ мелкихъ запискахъ наскоро набросанныхъ, въ сужденіяхъ по поводу того или другаго случая—всюду проглядываетъ постоянное обращеніе Петра къ Промыслу. *Петръ заботится о рудокопствъ, дабы Божіе благословеніе подъ землею втунъ не осталось;* онъ публикуетъ о правильномъ употребленіи Олонецкихъ минераль-

ныхъ вод... *дабы сей отъ Бога дарованный даръ хулы отъ неразсужденія простыхъ людей не воспріялъ.* Онъ радуется о развитіи суконной фабрикаціи и свою радость выражаетъ въ такихъ словахъ: «*сукна дѣлаютъ, и умножается сіе дѣло изрядно и плодъ даетъ Богъ изрядный*;» въ письмѣ къ Меньшикову изъ Петербурга, царь выражается такъ: «*дай Боже, чтобы у васъ такое было веселье какъ у насъ въ семъ святомъ мѣстѣ*»; вообще выраженія: *дай Боже, если Господь благословитъ, воля Всевышняго понудила, вручаю въ сохраненіе Вышнему*—встрѣчаются чуть не въ каждомъ письмѣ. Что это были не слова только, а выраженія истиннаго чувства, видно изъ того, что Петръ вообще не былъ охотникъ до лишнихъ словъ.

Обращеніе царя къ Промыслу Божію оживало съ особенною силою въ радостныхъ или печальныхъ случаяхъ, какіе приходилось ему переживать. По случаю взятія Азова царь пишетъ: «*нынѣ со св. Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ и паки реку: радуйтеся; нынѣ же радость наша, исполнися понеже Господь Богъ двольтнія труды и крови наши милостію своею наградилъ*». *Письмо ваше о прещастливой побѣдѣ,*—отвѣчаетъ царь Шереметеву—*съ превеликою радостію приняли, и Господу Богу сердечно благодарили; ибо таковые случаи Ему единому приписывать достоитъ.* Получивъ извѣстіе о Ништадскомъ мирѣ, царь громогласно говорилъ народу: «*здравствуйте и благодарите Бога, православные, что такую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ съ Швеціею счастливый вѣчный миръ*».—«*Николи наша Россія*», писалъ Петръ уполномоченнымъ, «*такого полезнаго мира не получала. Правда, долго ждали, да дождались. За еже все да будетъ Богу, всѣхъ благъ виновнику, вѣчну хвала*». Воззваніе къ Промыслу Божію не было чуждо Петру и

при неудачахъ. «*Господа Сенатъ!*» писалъ Петръ послѣ Прутскаго пораженія, «*хотя я николибъ хотѣлъ къ вамъ писать о таковой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однакожъ понеже такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе допустили.*» «*Но буди воля Божія*—говорится въ другомъ письмѣ, *ибо мы въ сей войнѣ зѣло правы, и мню, что праведный Богъ можетъ къ лучшему сдѣлать*».

Въ трудныхъ для совѣсти случаяхъ, которые впрочемъ, при опредѣленности воззрѣній Петра, были у него очень рѣдки, онъ считалъ для себя непремѣннымъ долгомъ обращаться къ закону Божію и освѣщать имъ свой путь. Таково было дѣло царевича Алексѣя. Петръ призывалъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ принять участіе въ разбирательствѣ этого труднаго для его совѣсти дѣла .Духовнымъ лицамъ царь между прочимъ писалъ слѣдующее: «*Хотя довольно власти надъ сыномъ по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, однакожъ боюсь Бога, дабы не погрѣшить. Ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ нихъ. Также и врачи, хотябъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лечить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося леченія оной, боясь вѣчныя смерти. Да взыщете и покажете отъ св. писанія истинное наставленіе и разсужденіе... дабы мы, изъ того усмотря, неотягченную совѣсть въ семъ дѣлѣ имѣли.*» Свѣтскимъ лицамъ увѣщаніе отъ царя было въ томъ же родѣ: «*не флаттируя, сирѣчь похлебствуя мнѣ и не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія.*» Въ этихъ обращеніяхъ видно самое искреннее и честное желаніе царя найти правый и сообразный съ закономъ Божіимъ путь къ выходу изъ мучительнаго

дѣла. *«Труденъ разборъ невинности моей,* говоритъ Петръ въ это время; *враги пакости мнѣ чинятъ демонскія, Богъ зритъ правду.»*

Нельзя сказать, чтобы религіозное сознаніе, внушавшее Петру во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ поступать по закону Божію, было всегда безошибочно. Строгость перевѣшивала въ немъ милосердіе, и, казня преступниковъ, Петръ забывалъ изреченіе апостола: *и хвалится милость на судѣ.* Въ этомъ отношеніи любопытна одна сцена изъ эпохи стрѣлецкихъ казней. Патріархъ Адріанъ, вспомнивъ старинную обязанность святителей печаловаться за опальныхъ, пришелъ въ застѣнокъ съ иконою Богоматери и молилъ царя о пощадѣ преступникамъ. *«За чѣмъ ты здѣсь?»* вскричалъ Петръ *«развѣ тебя зоветъ сюда твоя обязанность? Скорѣе уходи и поставь икону на свое мѣсто: знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его пречистую Матерь, но мой долгъ и истинное благочестіе обязываетъ меня заботиться о народѣ и карать злодѣянія, ведущія къ общей погибели.»*—*Я думаю,* сказалъ даже царь, *«что для Бога нѣтъ болѣе пріятной жертвы, какъ кровь беззаконниковъ»*. Петръ Великій, какъ видимъ, въ этомъ отношеніи далеко не былъ похожъ на равноапостольнаго Владиміра, котораго сами епископы должны были побуждать къ мѣрамъ строгости. Въ другихъ же случаяхъ, напр. по отношенію къ общественному достоянію, совѣсть Петра была чрезмѣрно чутка и требовательна. Только жалованье, получаемое за чины, Петръ считалъ своею личною собственностію; каждая же казенная копѣйка была для него святыня *«и за каждую* говорилъ онъ, *я долженъ буду отдать отчетъ Богу.»*—Какъ бы то нибыло, но вѣра въ промыслъ Божій, въ законъ Божій, въ судъ Божій у Петра неотъемлема и была въ немъ жива и дѣйственна.

Какъ человѣкъ вѣрующій, Петръ естественно долженъ былъ молиться. Къ внѣшнему богопочтенію Петръ относился

довольно свободно. *У него законъ на свою стать*, говорили современники. По праздникамъ Петръ ходилъ въ церковь, причемъ, по живости характера, любилъ принимать участіе въ богослуженіи, пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостолъ,—но богомольемъ особеннымъ не отличался. Черты древней русской набожности: постничество, долгіе земные поклоны, возжиганіе многихъ свѣчь предъ образами, любовь къ доброшумнымъ колоколамъ и проч. были не въ духѣ царя. Тѣмъ не менѣе были въ многотрудной жизни Петра такія минуты, когда онъ молился съ полною горячностію и искренностію. Такъ послѣ страшной бури на Бѣломъ морѣ, приставъ къ берегу у Пертолитскаго монастыря, Петръ съ усердною благодарственною молитвою поставилъ крестъ въ память о своемъ чудесномъ спасеніи. Такъ на поляхъ Полтавскихъ надъ могилою убитыхъ воиновъ Петръ, конечно волнуемый самыми сильными и разнообразными молитвенными ощущеніями, водрузилъ собственноручно крестъ съ надписью: *воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709.* Такъ, во время пребыванія въ Карлсбадѣ, Петръ часто удалялся на близь лежащую гору для уединенныхъ молитвъ. И доселѣ деревянный крестъ обозначаетъ мѣсто царской молитвы. Одно моленіе Петра особенно замѣчательно по торжественной и необычайной обстановкѣ. 10-го мая 1721 года молнія зажгла великолѣпную кирку св. Петра въ Ригѣ. Царь, бывшій тогда въ Ригѣ, поспѣшилъ на пожаръ, вошелъ внутрь кирки и ставъ на колѣни предъ алтаремъ молился до тѣхъ поръ, пока убѣжденія спутниковъ и увеличившаяся опасность не заставили его подумать о себѣ. Петръ Великій, колѣнопреклоненно молящійся внутри горящаго храма,—это такая картина, которая такъ и просится на полотно.

Посмотримъ наконецъ на послѣдніе дни жизни Петра,

такъ какъ вообще предсмертное настроеніе большею частію выражаетъ собою итогъ всей земной жизни. Болѣзнь Петра была тяжка и онъ не могъ удержаться отъ стоновъ и жалобъ. *«Изъ мене познайте»*, говорилъ онъ окружающимъ, *«колико бѣдное животное есть человѣкъ»*. Но вслѣдъ затѣмъ Петръ перешелъ къ обычнымъ чувствамъ упованія на Бога и покорности волѣ Божіей. Когда одинъ изъ архипастырей, бывшихъ при одрѣ умирающаго, говорилъ ему о смерти пострадавшаго за насъ Христа Спасителя, Петръ, какъ бы пробудясь отъ смертнаго сна, коснѣющимъ языкомъ отвѣчалъ: *сіе едино жажду мою утоляетъ, сіе едино услаждаетъ мя.* На увѣщаніе архипастыря вѣровать въ милосердіе Божіе и отпущеніе грѣховъ, умирающій повторилъ нѣсколько разъ: *вѣрую и уповаю.* Наконецъ послѣ молитвы предъ причащеніемъ, Петръ, собравъ остатки силъ, проговорилъ: *«вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи, помози моему невѣрію»*. И это были почти послѣднія слова его.

Великаго труженика не стало. Но онъ могъ умереть спокойно. На трудахъ его почило благословеніе Божіе, котораго такъ желалъ онъ. И духовный ораторъ въ надгробномъ словѣ Петру имѣлъ полное право заключить такъ: «не весьма же Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жалости; не весьма бо и оставилъ насъ сей Великій Монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ; безмѣрное богатство силы и славы его... при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимою,—любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною,—страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною,—славна и быти не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой остави намъ... О Россіе! видя, кто и каковый оставилъ тебе, виждь и какову оставилъ тебе».

ЕКАТЕРИНА I-я (1725—27).

Нѣсколько иныя религіозныя струны звучали въ душѣ супруги перваго императора. Доброта, ласковость, услужливость, способность переносить всевозможныя неудобства и сохранять въ тоже время ровное и веселое настроеніе духа—вотъ тѣ качества, которыя сдѣлали Екатерину необходимою для Петра,—качества, соединеніе которыхъ предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и твердую религіозную основу. Испытавъ необыкновенные перевороты въ своей судьбѣ,—изъ дочери бѣднаго литовскаго крестьянина сдѣлавшись государынею обширнѣйшей въ мірѣ имперіи, Екатерина не могла не признать въ своей жизни особыхъ путей Промысла. Она не возгордилась, она не забыла о своей низкой долѣ, напротивъ самое выдающееся распоряженіе ея царствованія касается облегченія низшаго работящаго класса людей, къ которому сама когда то принадлежала. Екатерина сознавала, что рука Божія, вознесшая ее на недосягаемую высоту, можетъ низвергнуть ее въ положеніе худшее прежняго—ничтожество. Живя при Петрѣ, Екатерина насмотрѣлась, какимъ пыткамъ и казнямъ подвергались лица, подпавшія царскому гнѣву, и сознаніе непрочности своего собственнаго положенія постоянно держало ее въ сильномъ нравственномъ и религіозномъ возбужденіи. Лучшимъ плодомъ этого было ходатайство Екатерины предъ гнѣвнымъ Петромъ за провинившихся. «Кабы на государевъ жестокій нравъ, да не царица» говорили при дворѣ, «такъ жить бы невозможно».

Вѣра въ промыслъ Божій страннымъ образомъ соединилась въ сознаніи Екатерины съ вѣрою въ предчувствія и сновидѣнія. Мѣсяца за два до смерти Петра, Екатерина подверглась страшному его гнѣву, а передъ этимъ видѣла слѣдующій сонъ,

оказавшійся пророческимъ. Она видѣла, что постель ея внезапно покрылась змѣями, ползавшими во всѣхъ направленіяхъ. Одна изъ нихъ—самая большая бросилась на Екатерину, обвила кольцами ей всѣ члены и стала душить ее. Екатерина защищается, борется со змѣею, и наконецъ задушаетъ ее. Тогда всѣ прочія мелкія змѣи поспѣшно сбѣжали съ ея постели. Екатерина истолковала себѣ этотъ сонъ такъ, что ей будутъ грозить большія опасности и что она выйдетъ изъ нихъ невредима. Обстоятельства подтвердили истолкованіе. Предъ смертію Екатерина видѣла другой сонъ, опять вѣрно истолкованный ею. Ей снилось, что она сидитъ за столомъ, окруженная придворными. Вдругъ появилась тѣнь Петра. Петръ одѣтъ, какъ одѣвались древніе римляне. Онъ манитъ къ себѣ Екатерину. Она идетъ къ нему и уносится съ нимъ подъ облака. Улетая, она бросила взоръ на землю. Тамъ она увидѣла своихъ дѣтей, окруженныхъ толпою, составленною изъ представителей всѣхъ націй, шумно споривших между собою.—Екатерина истолковала сонъ такъ, что она должна скоро умереть, и что по смерти ея въ государствѣ настанутъ смуты.

Такова была своеобразная религіозность Екатерины, свойственная только женской душѣ.

ПЕТРЪ II-й (1727—1730).

О религіозномъ характерѣ малолѣтняго Государя не можетъ быть рѣчи. Несомнѣнно, что въ его натурѣ были добрые задатки. *«Подобно Веспасіану»* говорилъ Петръ въ Сенатѣ, *«постараюсь, чтобы никто не выходилъ отъ меня съ печальнымъ лицемъ»*. Несомнѣнно, что воспитаніе его было крайне пренебрежено, или даже намѣренно испорчено. «Младыя государева лѣта», разсуждаетъ Щербатовъ «отъ распутства его сохраняли, но подлинно есть, что онъ былъ веденъ,

чтобы со временемъ въ распутство впасть.» Но ранняя смерть не дала развиться ни добрымъ, ни злымъ начаткамъ. «Обнадеживъ подданныхъ чаяніемъ великихъ благъ,» гласитъ надгробная надпись, «отшелъ съ сего свѣта... И горе намъ согрѣшавшимъ: разсыпалась радость сердецъ нашихъ: спалъ вѣнецъ со главы нашей.» Сѣтованія конечно искреннія, но быть можетъ напрасныя! Воспитаніе малолѣтняго Петра было ничѣмъ не лучше воспитанія Ивана Грознаго,—и кто знаетъ, былъ ли бы взрослый Петръ II лучше взрослаго Ивана IV.

АННА ІОАННОВНА (1730—1740).

Точно также мы мало можемъ сказать о религіозномъ характерѣ Анны Ивановны. Природа не отказала ей въ умѣ, но не надѣлила мягкимъ сердцемъ, а обстоятельства жизни не благопріятствовали его смягченію. Юродивый, жившій при дворѣ царицы, Прасковьи, предвѣщалъ царевнѣ Аннѣ монашество съ именемъ Анфисы; вмѣсто того судьба послала ей раннее вдовство и скучную жизнь въ Митавѣ въ качествѣ вдовствующей герцогини курляндской. Избраніе на русскій императорскій престолъ застало Анну уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда характеръ ея сложился окончательно. Что же мы видимъ въ царствованіи Анны? Видимъ съ одной стороны указъ о возобновленіи крестныхъ ходовъ, *какъ при отцѣ и дѣдѣ нашемъ было*, и слитіе царя-колокола въ 10000 пудовъ, видимъ съ другой стороны несчастную слабость къ Бирону, систему шпіонства и доносовъ, ужасы тайной канцеляріи, строгое взысканіе недоимокъ и вообще весь тотъ порядокъ управленія, который въ памяти народа надолго былъ заклейменъ прозваніемъ *Бироновщины*, видимъ, что въ 10—лѣтнее царствованіе Анны лишено сана болѣе архіереевъ, чѣмъ въ остальное 1000—лѣтіе русской исторіи, видимъ, что и сама императрица тщетно старалась заглушить снѣдавшую ее скуку дурацкими свадьбами и маскарадами.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА (1741—1761).

Совсѣмъ въ иныхъ чертахъ является намъ личность императрицы Елизаветы. Любовь къ удовольствіямъ не исключала въ ней самой искренней и горячей набожности. И послѣ тяжелаго царствованія Анны, воцареніе Елизаветы было встрѣчено со всеобщимъ ликованіемъ. Вѣра Елизаветы въ Промыслъ Божій высказалась въ полномъ свѣтѣ въ ту трудную минуту, когда она шла отбирать отцовскій престолъ. Упавъ на колѣна предъ образомъ Богоматери, Елизавета долго и прилежно молилась и дала обѣтъ въ случаѣ воцаренія *никого не казнить смертію.* Она сдержала обѣтъ и, благодаря ей, Россія фактическимъ уничтоженіемъ смертной казни предупредила просвѣщенную Европу.

Благочестіе Елизаветы было нѣсколько внѣшнее, но искреннее. Она надѣялась на чудодѣйственную силу мощей. Такъ въ Кронштадтѣ, видя обуреваемое волнами судно, Елизавета поднесла частицу мощей къ окну, чтобы сила ихъ обратила судно по желаемому направленію. Она примѣрно соблюдала посты, что одинъ современный ей архіерей называлъ *чудомъ во днѣхъ нашихъ.* Она любила читать душеполезныя книги и полная славянская библія обязана ей своимъ изданіемъ. Елизавета же дала указъ, чтобы библія была продаваема не дороже 5 руб. Елизавета любила слушать проповѣди. «Наша государыня», говорилъ современный ей проповѣдникъ «не только о временномъ, но и вѣчномъ добрѣ неусыпно промышляетъ: по ея волѣ ни одного воскресенья безъ того не пройдетъ, чтобы не было сказано проповѣди.» Она любила посѣщать богослуженіе и путешествовать ко св. мѣстамъ. Изъ Москвы въ Троицкую лавру она ходила пѣшкомъ. Была и въ Кіевѣ, и Андреевская церковь служитъ памятникомъ ея здѣсь пребыванія. Въ самомъ Петербургѣ при ней заложено или пере-

строено до 40 церквей, при чемъ императрица сама присутствовала при закладкѣ и освященіи. Усердіе къ храмамъ Елизавета выражала приношеніями отъ своихъ трудовъ, вышивая воздухи, пелены и т. д. Наконецъ есть преданіе, что Елизавета имѣла намѣреніе окончить жизнь въ монашествѣ и съ этою цѣлію приказала строить такъ называемый Смольный монастырь, получившій послѣ нея другое назначеніе.

Но ея женское благочестіе соединено было и съ женскою узкостію пониманія. Вѣротерпимостію она не отличалась. На предложеніе Сената, для развитія торговли допустить евреевъ на время ярмарокъ въ окраинные города имперіи императрица рѣшительно отвѣчала: *отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли.* Въ своей наивности императрица непрочь была считать враговъ своихъ врагами Божіими и обратно. Объявляя войну Фридриху великому, императрица главнымъ образомъ имѣла въ виду то, что онъ человѣкъ неблагочестивый и въ Бога невѣрующій. Мысль, что она воюетъ съ врагомъ не только своимъ, но и Божіимъ быть можетъ примиряла императрицу съ потоками крови, которые лились въ этой упорной и безполезной войнѣ и отъ которыхъ содрогнулось бы ея человѣколюбивое сердце. Но ея односторонность была такъ наивна и искренна, что—повторяемъ—ее можно винить развѣ только въ нѣкоторой узкости пониманія.

ЕКАТЕРИНА II-я (1762—1796).

Совсѣмъ другой религіозный типъ представляетъ собою императрица Екатерина II, воцарившаяся чрезъ полгода послѣ Елизаветы. *)

---

*) Мы опускаемъ полугодовое царствованіе Петра III-го, какъ по причинѣ его кратковременности, такъ и потому, что въ основныхъ и существенныхъ свойствахъ личность Петра III-го повторилась въ его сынѣ Павлѣ I, о которомъ у насъ рѣчь впереди.

Перевѣсъ ума надъ чувствомъ и воображеніемъ, ума впрочемъ не сухаго и холоднаго, но творческаго и организующаго, составляетъ замѣчательную особенность великой монархини. Она создана была для широкой общественной дѣятельности; поэтому и религіозность ея могла состоять не въ личной сентиментальной набожности, какъ у императрицы Елизаветы, но въ дѣятельной любви къ людямъ, въ желаніи улучшить по возможности ихъ общественныя отношенія. *«Мое желаніе и удовольствіе»*, писала императрица къ Циммерману,—*состояло въ томъ, чтобы дѣлать всѣхъ счастливыми; но какъ всякій желаетъ быть счастливъ по своимъ способностямъ, то желанія мои часто находили въ томъ препятствія, въ которыхъ я ничего не понимала. Конечно мои цѣли были нехудыя, но можетъ быть я слишкомъ много предпринимала, забывая, что родъ человѣческій вообще наклоненъ къ безразсудству и несправедливости.»* Вѣрное чувство дѣйствительности не позволяло Екатеринѣ удовлетвориться абстрактнымъ космополитизмомъ или платоническою любовію ко всему человѣчеству; ограничивая свою задачу въ предѣлахъ возможности, Екатерина разсудила, что для нея довольно будетъ обратить свою любовь и заботливость на Россію и русскихъ.

Нѣмка по происхожденію, Екатерина рѣшилась сдѣлаться вполнѣ русскою и православною. Только что будучи привезена въ Россію въ качествѣ невѣсты наслѣдника и не успѣвъ еще принять православіе, Екатерина тяжко заболѣла. Въ ожиданіи смерти она требуетъ православнаго духовника. Нѣкоторые видятъ въ этомъ лицемѣріе, но, мнѣ кажется, съ полною справедливостію можно видѣть здѣсь искреннее желаніе Екатерины слиться по вѣрѣ съ тѣмъ народомъ, къ которому привелъ ее Господь. *«Желаю и хочу,»* писала Екатерина еще до воцаренія,—*«желаю и хочу блага той странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея сдѣлаетъ меня лав-*

болѣзни поражепъ до крайности; нѣтъ ни ума, ни духу. Я просилъ о порученіи начальства другому. Вѣрьте что я себя чувствуя». *»Конечно все это нерадостно«*, отвѣчаетъ Екатерина, *»однако ничто еще не пропало.... Прошу ободриться и подумать, что добрый духъ и неудачу исправить можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ расположенія, нежели я сама: но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я здорова«.* Но скоро пришла очередь и Екатеринѣ просить утѣшенія у Потемкина. *»Дай Боже, чтобы болѣзни скорѣе пресѣклись«*, писала императрица Потемкину. *»Дороговизна во всемъ ужасная. Дай Боже силу снести всѣ видимыя и невидимыя хлопоты«...*—Въ семъ случаѣ, что вамъ дѣлать? отвѣчаетъ Потемкинъ. »Терпѣть и надѣяться неизмѣнно на Бога. Христосъ вамъ поможетъ, Онъ пошлетъ конецъ напастямъ. Пройдите Вашу жизнь; увидите, сколько неожиданныхъ отъ Него благъ по несчастіи вамъ приходило. Были обстоятельства, гдѣ способы казались пресѣчены пути (sic), вдругъ выходила удача. Положите на Него всю надежду и вѣрьте, что Онъ непреложенъ. Пусть кто какъ хочетъ думаетъ, а я считаю, что апостолъ въ ваше восшествіе (на престолъ) припалъ не наудачу: *вручаю вамъ Фиву сестру вашу сущу служительницу церкви, да пріимите ю о Господѣ достойнѣ святымъ.* Людямъ нельзя испытывать, для чего попускаетъ Богъ скорби, но знать надобно то, что въ такихъ случаяхъ къ Нему должно обращаться. Вы знаете меня, что во мнѣ сіе не суевѣріе производитъ«. Конечно это письмо очень хорошо рекомендуетъ религіозное настроеніе императрицы, которую близко зналъ Потемкинъ и которая способна была приклонять слухъ къ такимъ внушеніямъ.

Существуетъ довольно сильное возраженіе противъ религіозности Екатерины: это ея переписка съ Вольтеромъ и спо-

шенія съ Дидро, Д'Аламбертомъ и другими философами XVIII в.—Помимо политическихъ соображеній, какими вызывалась и оправдывалась эта переписка, нужно сказать. что не все же было дурно у Вольтера съ братіею: въ ихъ борьбѣ съ современными злоупотребленіями, въ ихъ общественныхъ идеалахъ проглядывалъ тотъ же духъ человѣколюбія, какого требуетъ истинное христіанство. На этомъ пунктѣ можно было съ ними сойтись и можно было кой-чему у нихъ поучиться. Такъ и поступала Екатерина. Впрочемъ дружба ея съ философами не продолжалась до конца. Французская революція, которую современники приписывали разрушительному вліянію философскихъ идей, дала другое направленіе мыслямъ императрицы. Долго присматривалась Екатерина къ страшному и принимавшему неожиданные размѣры перевороту и наконецъ сказала: *«это не бунтъ, это Богъ знаетъ что такое; отложимъ наши высокоумныя книжки и примемся за букварь»*. Затѣмъ началась эпоха реакціи: преслѣдованіе масоновъ, ссылка Радищева, запрещеніе Княжнинскаго *Вадима* и заподозрѣніе въ якобинствѣ Державина. Послѣднее обстоятельство любопытно по странному недоразумѣнію.

Державинъ составилъ стихотворное переложеніе псалма: *Богъ ста въ сонмѣ боговъ*, которое начиналось такъ:

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ
Доколѣ—рекъ—доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ!

А оканчивается такъ:

Цари, я мнилъ: вы боги властны!
Я мнилъ... никто вамъ не судья!
А вы... подобно мнѣ вы страстны
И также смертны, какъ и я,

И вы подобно такъ падете
Какъ съ древъ осенній листъ падетъ
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ.
Воскресни Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли.
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли.

Кто-то обратилъ на эти стихи вниманіе императрицы и она съ раздраженіемъ спросила Державина: зачѣмъ онъ пишетъ якобинскіе стихи? »Царь Давидъ не былъ якобинецъ«, отвѣчалъ Державинъ, »и стихи эти писаны мною еще до революціи«. И это объясненіе успокоило императрицу.—Такимъ образомъ кто видитъ грѣхъ въ сношеніяхъ Екатерины съ энциклопедистами, тотъ въ эпохѣ реакціи можетъ видѣть ея покаяніе.

ПАВЕЛЪ 1-й (1796—1801).

Природа надѣлила Павла чувствительнымъ сердцемъ и пылкимъ воображеніемъ и избытокъ этихъ свойствъ нарушалъ его душевную гармонію. Еще въ дѣтствѣ Павла обозначились его *нетерпѣливость* и *склонность къ увлеченіямъ*,—качества, которыхъ немогло исправить воспитаніе и которыя остались при немъ на всю жизнь. По свидѣтельству воспитателя его Порошина, великій князь вѣчно куда-нибудь спѣшилъ,—спѣшилъ вставать и учиться, спѣшилъ обѣдать и ужинать, спѣшилъ гулять и спать, и никогда не былъ въ ровномъ и спокойномъ настроеніи духа. Склонность къ увлеченіямъ проявлялась въ неумѣренныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ Павла. По свидѣтельству того же Порошина, великій князь то, такъ сказать, влюблялся въ какого-нибудь человѣка, находилъ въ немъ всевозможныя совершенства и готовъ былъ все для него

сдѣлать, то вдругъ охлаждался безъ всякой видимой причины.— Съ лѣтами въ Павлѣ явилось новое свойство—*раздражительность.* Какъ человѣкъ нетерпѣливый, Павелъ спѣшилъ забрать въ свои руки бразды правленія, принадлежавшія ему по праву рожденія, какъ человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ мечталъ осчастливить своихъ подданныхъ своимъ правленіемъ. Екатерина же вовсе нерасположена была сдавать мѣсто, да и вообще считала Павла не способнымъ къ управленію,— имѣя въ виду отстранить его отъ престолонаслѣдія въ пользу внука Александра Павловича. Она продолжала жить и царствовать, а Павелъ продолжалъ томиться бездѣйствіемъ и критиковать ея царствованіе въ цѣломъ и въ подробностяхъ. Подавленное стремленіе Павла къ дѣятельности находило себѣ исходъ только во множествѣ проэктовъ относительно будущаго царствованія, и эти проэкты, будучи лишены провѣрки опыта и приложенія къ дѣйствительности, принимали въ сознаніи Павла характеръ твердыхъ догматовъ, къ которымъ нельзя ничего ни прибавить, ни убавить.—Разыгравшаяся къ концу царствованія Екатерины французская революція произвела на Павла потрясающее впечатлѣніе. Если Екатерина испугалась только крайностей революціи, не отрицая революціи самой въ себѣ, *ибо*, какъ выражалась она, *сама была всегда отмѣнною республиканкою,* то Павелъ, который никогда не былъ республиканцемъ, а всегда воображалъ себя абсолютнымъ монархомъ,—Павелъ могъ видѣть въ революціи только адское смѣшеніе звѣрства, атеизма и злодѣяній самыхъ ужаснѣйшихъ. Онъ возненавидѣлъ революцію всѣми силами души и рѣшился всемѣрно противодѣйствовать распространенію пагубныхъ началъ зловредной вольности.

Четырехъ-лѣтнее царствованіе Павла представляетъ въ себѣ только развитіе вышеуказанныхъ сторонъ характера, которыя даны были Павлу природою и жизнію. И мы видимъ

въ его царствованіи поспѣшность и нерѣдко опрометчивость въ распоряженіяхъ, крайнюю щедрость въ наградахъ и суровость въ наказаніяхъ, духъ отрицанія по отношенію къ предыдущему царствованію, ультра-монархизмъ и вражду противъ такъ называемаго якобинства. Обратимся къ анализу собственно религіозной жизни Павла. Съ малыхъ лѣтъ въ Павлѣ крѣпко всаждены были начала религіозности. Законоучителемъ его былъ знаменитый Платонъ и съ успѣхомъ обучалъ своего питомца. До насъ сохранился небольшой отрывокъ изъ ихъ уроковъ. Платонъ объяснялъ Павлу, что образъ Божій не въ тѣлѣ. »*И впрямь такъ!*« подтвердилъ маленькій Павелъ«, *Богъ то одинъ, а насъ много, и у всѣхъ лица разныя!*« Съ годами, подъ гнетомъ,—какъ думалъ Павелъ—несправедливостей, религіозность его усиливалась. Онъ неопустительно говѣлъ во всѣ 4 поста въ году, исповѣдывался и пріобщался; продолжительны были его слезныя колѣнопреклоненныя молитвы и паркетъ въ маленькой спальнѣ его Гатчинскаго дворца вытертъ его колѣнами. Въ торжественную минуту полученія извѣстія о предсмертной болѣзни Екатерины, Павелъ, съ глазами полными слезъ смотря на звѣздное небо, сказалъ Ростопчину: »*Мой другъ! мнѣ 42 года. Богъ сохранилъ меня до сихъ поръ, надѣюсь на Него, что Онъ дастъ мнѣ силы понести тяжелое бремя*«.

По воцареніи Павелъ продолжалъ быть религіозенъ какъ по чувству, такъ и во имя идеи, какъ представитель христіанства и монархизма противъ невѣрія и якобинства. Сознаніе своего исключительнаго въ христіанскомъ мірѣ положенія выразилось у Павла нѣкоторыми богослужебными особенностями. Сдѣлавшись императоромъ, Павелъ всегда пріобщался по царски т. е. самъ входилъ въ далматикѣ чрезъ царскія двери въ алтарь прямо къ престолу и здѣсь пріобщался св. Таинъ,

какъ пріобщаются обыкновенно священники (только послѣднее пріобщеніе Павла было такое же, какое бываетъ у частнаго православнаго христіанина).

Павелъ мечталъ стать во главѣ контрареволюціоннаго движенія, собравши подъ свое знамя всѣ религіозные и консервативные элементы, какъ внутри Россіи такъ и заграницею. Быть можетъ этимъ объясняется его упорное желаніе дать ордена православному духовенству, осуществившееся не смотря на противодѣйствіе митр. Платона. Этимъ объясняется и покровительство Павла іезуитамъ и принятіе имъ на себя гроссмейстерства мальтійскаго ордена. Павлу крайне нравился девизъ іезуитовъ: ad majorem Dei gloriam—и обыкновенно этими словами онъ привѣтствовалъ іезуитскаго патера Грубера, ходившаго къ нему безъ доклада. Принимая на себя званіе гроссмейстера мальтійскаго ордена, Павелъ мечталъ, что вокругъ него соберется все благородное, талантливое, нравственное и любящее порядокъ, и онъ, какъ новый Готфридъ Бульонскій, пойдетъ крестовымъ походомъ противъ ненавистной революціи и т. д. Ничего этого не случилось и не могло случиться. Со стороны государя было искреннее религіозное одушевленіе, со стороны іезуитовъ и мальтійскихъ кавалеровъ только практическій разсчетъ.

Подобную же неудачу потерпѣла религіозная апоѳеоза монархизма и по отношенію ко внутренней политикѣ. Имѣя нѣсколько фантастическое представленіе о предѣлахъ богоподобнаго царскаго могущества, Павелъ хотѣлъ подобно восточнымъ властителямъ въ родѣ Гарунъ-ал-Рашида, все знать, все видѣть, вездѣ награждать добродѣтель и наказывать порокъ: онъ дѣйствительно нападалъ на отдѣльные случаи и строго каралъ ихъ, но былъ безсиленъ противъ общихъ явленій.

Державинъ кратко, но вѣрно охарактеризовалъ внутреннюю дѣятельность Павла такъ: *въ рѣшеніяхъ быстръ*, *въ ука-*

захъ строгъ, всебъ сдѣлать могъ, когдабъ былъ Богъ. Къ сожалѣнію при всей своей горячей религіозности Павелъ забывалъ, что цари могутъ уподобляться Богу милосердіемъ, но не всевѣденіемъ и не всемогуществомъ.

Мы кончили нашъ очеркъ. И пусть послѣднимъ словомъ нашимъ будетъ выраженіе искренняго сочувствія къ религіозному характеру Того, о Которомъ говорить не смѣемъ, ибо исторія не любитъ именовать живыхъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Академіи.

Ректоръ *Е. Филаретъ.*

